

ОБЩЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА И К. ЯСПЕРСА

© 2007 г.

О.Н. Солдатова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

olga_soldatova1@yahoo.com

Поступила в редакцию 22.03.2007

Статья посвящена анализу проблемы общения в русской и немецкой экзистенциальной философии (на примере философских воззрений Н.А. Бердяева и К. Ясперса). Понятия «я» и «ты» русский философ рассматривает в качестве экзистенциальных субъектов, участвующих в истинном общении. Множество «я» и разнообразие «ты» формирует то, что Бердяев называет «мы». Смысл «мы» полностью открывается в идее церкви. «Не-я», «оно» или объект оказывается неспособным вступать в настоящее общение. «Я» для Ясперса означает личность, наполненную подлинным самобытием. Только «я», обладающие внутренним сущностным наполнением, образуют связи между собой. Немецкий философ размышляет о таком феномене современности, как масса, где нивелируется человеческая личность, явно проступает псевдообщение. Существующий миропорядок грозит растворением индивида, следовательно, появляется возможность объективации коммуникации.

Н.А. Бердяев в своих философских воззрениях выделяет понятия «объект» и «субъект». В то время как субъект имеет свое внутреннее существование и глубинное всеобъемлющее наполнение, объект существует для субъекта и имеет вторичный характер по отношению к нему. Быть объектом, по мнению философа, означает быть для субъекта, объект как бы является для чего-либо другого, не имея внутренней самостоятельной бытийственности. Когда речь идет о трансцендентном, нельзя говорить об объекте, так как понятия «трансценденция» и «трансцендентный» не имеют никакого отношения к объекту. Акт трансценденции может совершать субъект, поскольку способность к трансцендентальному наличествуется только в нем. «Трансцендентный свет» [1] может исходить от субъекта, которым является человек (по Бердяеву, в таком случае человеку присущ божественный элемент). От объекта же исходит лишь социальное приспособление, поглощение частного общим, утрата неповторимо-индивидуального, проявление безлично-универсального.

В данном контексте необходимо рассмотреть понятие «объективация» (оно занимает одно из центральных мест в философских воззрениях Н.А. Бердяева). Человек существует в двух мирах. Первый мир – мир субъективный, его собственный, наполненный глубоко личными переживаниями личности, где экзистенциальным центром является человек с его противоречивым, экстаичным внутренним содержанием. Человека, принадлежащего к такому миру, философ во всех своих произведениях возвеличивает, возводит в ранг абсолютного центра не только замкнутой планетной

системы, но и всего бытия в целом. В.В. Зеньковский по этому поводу пишет, что это есть «апофеоз человека... возвышение его» [2]. Второй мир, где человеческая личность вынуждена существовать, – мир объективный. Мыслитель называет мир объектов «существующим для меня», «чуждым», «насилующим», куда человек выброшен. Мир объективности противостоит субъективному миру. У человека существует две интенции: 1) к миру феноменов, или объективному миру, который поработает, делает зависимым, угнетает. Здесь главенствует явление, объект, необходимость, отношения рабства, вражды и господства. В этом случае человек как будто выказывает согласие войти в «средне-общее состояние человеческой жизни» [3]; 2) к миру ноуменов, или субъективному миру, подлинно сущему, который обогащает, ведет в царство свободы, божественного духа. В последнем случае приоритетное значение приобретают отношения любви и сострадания, дух, творчество, свобода. Трансцендирование есть понятие, которое противоположно понятию «объективация», и означает путь выхода из мира объективности в мир нуменальный, подлинно существующий.

Субъектом в философии Н.А. Бердяева является человеческое «я» и человеческое «ты». Мир «не-я» имеет отношение к миру объективному. Объективация есть суть возникновения понятия «не-я» вместо «я» или «ты», как внутренне существующего субъекта. Объективацией является процесс и результат состояния субъекта, при котором происходит его экстернизация и отчуждение. Субъект – человеческое «я» и субъект – человеческое «ты» (состояние, когда человек в

экзистенциальной глубине находится в общении с духовным миром) превращаются в объекты, феномены и вещи вследствие падшести в отношениях между ними. Объективация, или неподлинность существования феноменального мира, не означает, согласно Бердяеву, что мир людей, в котором мы живем, нереален и за ним существует другой, отличный от этого. Объективация есть «выбрасывание человека вовне, экстерииоризация, подчинение условиям пространства, времени, причинности, рационализации» [1, с. 194]. Объективация означает распадение мира на составляющие части, не связанные между собой, отсутствие целостности, сковывание этого мира железными узами всеобъемлющей необходимости, состояние разобщенности, отчужденности между экзистенциальными субъектами, в результате чего происходит «забвение самой человеческой личности» [4]. Этому в философии Бердяева противопоставляется преодоление состояния расколотости, личностно-индивидуальный характер всякого существования, общение в любви, взаимной симпатии и свободе, победа над рабством, преобладание качества над количеством, творческих способностей над примитивным приспособлением к окружающему. Борьба против власти объективации, освобождение против насилующих оков необходимости, обретение всей полноты реального существования через творческий акт, трансцензус, через подлинное глубинное общение с человеческой личностью и Божественным Духом – вот главная задача для человека. Победу над властью необходимости философ называет «мессианской надеждой» человечества [1, с. 194].

Н.А. Бердяев выделяет понятия «я» и «ты». При истинном общении и взаимодействии «я» и «ты» стоят друг перед другом, лицом к лицу. Суть, естество «я» открыто перед «ты», лежит как на ладони, «я» нечего таить и скрывать от «ты», здесь происходит «интимное общение с другим человеком... разговор вдвоем» [3, с. 40]. Для «я» «ты» изначально не является объектом, «я» воспринимает «ты» как равноценный субъект, наполненный экстатичным содержанием. Когда «ты» превращается в объект, теряет свою привлекательность для настоящего глубинного «я», то становится «оно» или «Essein». Появление «оно», «Essein» является, на взгляд мыслителя, результатом процесса объективации. Даже Бог может стать

«оно», «Essein», если понимание божественной сути подвергается объективации. «Ты» исчезает, растворяется, его лик расплывается, нет более сокровенных встреч лицом к лицу между «я» и «ты». Появляется холодный, устрашающий, безразличный лик объекта, «оно». А когда человеческое «я» встречает «ты», то зловеще-стальные чары вещного, предметного мира рушатся и открываются врата мира истинного существования.

Бердяев отмечает, что существуют не только понятия «я», «ты» или «оно». Не стоит забывать, пишет философ, о наличии «мы». «Мы» тоже может объективироваться, становится «оно», что происходит в процессе социализации общественных отношений. Объективированное «мы», понимаемое как «оно», есть суть социального коллектива, который навязан извне каждому «я». Но есть «мы» как внутренняя общность, общение и единение между «я», где «я» воспринимаемо другим «я» как «ты». Любое общество есть для Бердяева суть «оно». Общество жестко и категорично объективировано, в нем все люди чужды друг другу, все объекты, в нем нет ни одного, воспринимаемого как друга, все далеки, разобщены и искусственны. Все воспринимаются как фантом, который вот-вот исчезнет, стоит только повернуться спиной. В обществе есть группы, сословия, чины, начальство, подчиненные, партии, граждане, господа, товарищи и т.п. и т.п. Все это лишь отвлеченные категории, не имеющие никакого отношения к живой личности. Когда «я» поставлено перед обществом, вынуждено существовать в нем и рядом с ним, то «я» глубоко одиноко, ему холодно, «я» замерзает среди бесчувственных, механических объектов. Общество, понимаемое как объект, всегда есть «Essein», где отсутствует «истинно братское общение между людьми...» [5].

Но, отмечает философ, существуют и другие взаимоотношения между «я» и обществом. Когда появляется многообразие «я» и «ты», что составляет суть общества, когда оно перестает быть «оно», «Essein», то неспешно и величественно выходит образ «мы». Тогда у «я» исчезает страх, неуверенность, безотчетная робость, желание скрыться от внешнего мира, напротив, «я» приобретает искреннее желание войти, влиться в «мы», стать его составной частью. «Мы» объектом для «я» не является, «мы» не навязано «я» извне. «Мы» – суть, содержание и качество жизни любого истинного «я», поскольку существование всякого «я» определяется не только его

отношением к другому «я», но и его отношением к человеческому множеству и многообразию. Когда произносится «я», имеется в виду «мы». Смысл «я» раскрывается в «мы». С таким пониманием сущности общества связана в русской философии идея церкви, интерпретируемой не в качестве объективированного социального института, а церкви, «взятой в ее онтологической чистоте», «принадлежащей к экзистенциальному порядку». Но церковь, по мнению философа, тоже может быть обращена в «оно», тогда сокровенный смысл и тайна «мы» исчезает.

В каждом человеке есть безликий, отягощающий его слой «оно». Это «оно» может победить, оказаться сильнее и могущественнее «я». Это есть суть процесса объективации. Понятие «оно» не экзистенциально, относится к миру «не-я». В то время как «я», «ты» и «мы» глубинны, экзистенциальны, «не-я» объективировано. «Не-я» всегда враждебно, противостоит, насилует «я», хочет его полностью поглотить, сделать своим рабом и приспешником. «Я» сопротивляется, негодует, пытается преодолеть «не-я». Но сделать это крайне сложно в нашем падшем мире. В лучшем случае, по мнению философа, «я» открывается «не-я» лишь на чуть-чуть, тем самым демонстрируя свою падшесть, «низшую природу», но, не раскрывая своей глубинной наполненности и божественного содержания.

Здесь философ подчеркивает важность различения понятий «приобщение» и «сообщение». Приобщение имеет более сокровенный смысл и значение. Приобщение означает прорыв в первореальность, выход в мир субъектов, проникновение в тайну другого «я». Сообщение носит символически-знаковый характер, является прообразом общения между объектами в мире разобщенных предметов и вещей, «прорывается в мир объективированный, т.е. разобщенный...» [6]. Наш объективированный мир пронизан тканью сообщений. Привычка, обычай, традиция, вежливость, желание подражать, быть не хуже других, любезность при установлении сообщений ярко свидетельствуют о символически-механическом характере сообщения. Сообщения между объектами общественно-социальных, политических, экономических отношений носит вышеуказанный характер. Но истинное, глубинное «я» не довольствуется сообщениями такого рода, не желает ограничиваться рамками социальных институтов, общества и государства, запирает себя в темнице

объективации, быть лишенным «внутреннего излучения света» [7]. «Я» стремится выйти на свет, к осуществлению настоящего общения с другими «я», жаждет прорваться в «ты», в мир подлинного существования. Процесс общения предполагает наличие двух субъектов (мы выяснили, что общения между объектами быть не может), оно всегда двусторонне и обоюдно, на взгляд Н.А. Бердяева. Общение с объектом оставляет «я» в одиночестве и подавленности, не выводит его из состояния покинутости и отчужденности. Оно не может быть односторонним, так как требует, именно требует активности от «ты». Чувство онтологического одиночества и оставленности преодолевается лишь в общении между действительно личностями, между «я» и «ты», не в разобщенном обществе, а в «мы», где существует «...принцип справедливости и братского сотрудничества людей» [8].

«Я», как считает философ, существует лишь в диалоге, в коммуникации. Его нет без диалогической борьбы, противоречия, противоборства с другими «я», так как сознание человека по природе своей социально, то есть предполагает наличие других. Ввиду того, что наше сознание стало приспособленным к символическим сообщениям в пространстве и времени без осуществления реального приобщения, без выхода в яркий мир трансцендентного, иными словами, сознание стало социализированным, оно-то и мешает человеку поистине общаться, оставляет его с ощущением сиротства. Социализированное сознание определяется социальной обыденностью, повседневным ходом вещей, где появляется готовность «...истребить всякую личность, подрезать возможность всякого ее цветения» [9]. В акте трансцендирования границы сознания расширяются и препятствия к слиянию, соединению с «ты» исчезают. Чтобы расстаться с сиротством, утолить мучающую тоску по общению, человек иногда жаждет погасить сознание, выключить его. Социальная повседневность с ее устрашающими ограничивающими рамками, строгими законами необходимости исчезает в трансцендентном акте. Личное, индивидуальное, оригинальное мышление, близкое к первоисточнику бытия не есть отрицание возможности общности и общения, по мнению мыслителя, но есть суть отрицания зависимости мышления от социальной обыденности и от общества, понимаемого как объект. Личное мышление отрицает не общение, а общее.

Выход из себя, из замкнутости своего бытия, преодоление одиночества, обретение родственности может давать религиозное мироощущение. Сущность религии вообще, по мнению Н.А. Бердяева, заключается в соединении с тайной бытия, с самим метафизическим существованием. Состояние одиночества может закончиться не потому, что есть религия. На самом деле она вторична, так как является лишь свидетельством отношения человека к Богу. Преодоление одиночества возможно потому, что есть Бог как обретение полноты и смысла существования. Иногда случается так, что первостепенный характер имеет религия, а не сам Бог. Тогда происходит то же, что и в познании, и в жизни пола, и в отношениях любви и дружбы. Отношение человека к Богу подвергается объективации и социализации. Появляется церковь как социальный институт, а не как общность и единение личностей на основе веры во Всевышнего. Религия может существовать как социальный феномен. Она может быть понята не экзистенциально, а объективированно. Но есть и другое понимание, толкование религии. «...Религия есть также откровение, есть голос Божий, есть воплощение Бога, и тогда она не принадлежит к миру объектов, к миру социализированному» [6, с. 282], пишет мыслитель. Религия является не только связью и единением с Богом единичного конкретного человека, это связь с другими, с такими же как твое «я», с ближними, это есть «общение, общность, коммунион». Формальное исповедание веры, соблюдение традиций и обрядов, формирующих «правила поведения в однотипных, повторяющихся ситуациях...» [10], формальная принадлежность к институту церкви отнюдь не означает преодоления одиночества. Поэтому и в религиозной жизни можно испытывать необычайно острое, жгучее, давящее чувство одиночества. Вполне оказывается возможным чувствовать себя крайне одиноким, находясь в религиозном храме, общаясь с представителями той же конфессии, иметь с ними поверхностные, объективированные отношения, видеть в них всего-навсего объект, а не экстатически наполненный субъект. Связи между людьми в религиозной жизни могут носить условный, риторический, ситуационный, знаковый, символический характер, где «...совершается идолопоклонство, живой Бог подменяется ограниченными и относительными вещами...» [11]. Это, по мнению Н.А. Бердяева, не предполагает взгляды внутрь, в глубь

тайны «ты» и отчаянного стремления, прорыва к нему, в его неповторимо прекрасный мир.

Первым показателем экзистенциальной сущности личности, по К. Ясперсу, является ее отношение к явленному миропорядку. Первый путь, согласно мыслителю, по которому может пойти индивид, это путь одиночества (либо путь из мира). Человек, таким образом, отказываясь от всеохватывающей действительности, отталкиваясь от наличного бытия, ищет дорогу к самому себе только через самого себя. Второй путь, наоборот, ведет в наличествующий мир, но, здесь философ делает оговорку, это оказывается возможным только через прохождение первого пути. Это происходит потому, что рефлектирующее самобытие не может существовать в своем мире, не ведающем о наличии первого пути.

В настоящее время ложная, чуждая сущность, по мнению К. Ясперса, наполняет индивидов и подчиняет себе весь процесс их жизнедеятельности. Существование людей протекает, как правило, вне дома. Индивиды обретают механические, лишённые глубины псевдо-дружеские и псевдоприятельские отношения. Количество подобных не экзистенциальных связей иногда достигает высоких отметок, что негативно сказывается на самом субъекте, лишая его истинной самости. Как правило, люди вступают в отношения, основываясь не на общности интересов, но их объединяет территориальный фактор. Индивиды проводят большую часть своего времени, находясь на работе, что вынуждает их к завязыванию контактов именно здесь. В большинстве таких случаев связь строится не по принципу личной привязанности, а потому, что так сложились обстоятельства. Такие отношения, как правило, имеют лишь поверхностный характер. Человек, по сути, остается одиноким, неотраженным в другом, имея даже десяток таких контактов. Более того, наличие таких псевдоконтактов грозит самому субъекту, как ядру отношений, распадением, разложением на мелкие разрозненные составляющие. Философ отмечает, что в настоящее время чуждость и несамосущность довлеют над человеческой личностью, диктуя неправильные законы жизни, где личность полностью нивелируется, истребляется, где самость единичного бытия подвергается уничтожению.

Индивида, учитывая вышеизложенное, может соблазнить возможность противопоставления себя окружающему явленному бытию. Философ пишет: «Мир в

своей бездонной беспочвенности, лишенный всякого смысла, станет для человека непереносим» [12]. Он, не желая потерять личностную, сокровенную самосуть, захочет отрешиться от мира, погрузившись в самого себя полностью. Таким образом, для человека делается возможным не обособиться и приобрести независимость от неподлинного бытия, а погрузиться в пустоту и небытие, тем самым приговорив себя к крушению всякого существования. Решиться на такой шаг способна действительно личность, субъект, но, по мнению мыслителя, ей предстоит понять, что, порицая тот мир и стремясь к бегству от него, человек рискует потерять истину в самом отрицании и погрузиться в бездну небытия. Но сам факт того, что индивид стремится обрести полноту экзистенциального существования, отрываясь от мира неподлинного, свидетельствует о силе «подлинного самобытия». Но действительность тяготеющего мира такова, что его невозможно игнорировать. Более того, по Ясперсу, ощутить его суровость, тяжесть, пройти сквозь его нутро является единственным путем обретения самого себя. Быть действительным в этом мире, стремясь к наполнению самобытия, является условием собственного существования. Задача, стоящая перед глубинной личностью, заключается в том, чтобы сосуществовать с другими, не давая себя поглотить чуждости явленного бытия, расширять по мере возможностей поле своего «подлинного самобытия», устоять перед «социальностью, которая поглощает индивидуальные особенности человека» [13]. Единственное, что может помешать человеку в достижении этого, – страх перед глубиной и неохватностью истинного самобытия, который проникает из недр явленной действительности. Философ пишет: «...Самобытие возможно лишь в напряжении, которое, вместо того чтобы просто сопоставить две сферы жизни, пытается, исходя из одной, выразить другую, не утверждая возможность общезначимого образа единения в качестве единственной возможности правильной жизни для всех» [14].

Понимание жизни как влечение механического существования приводит к иному пониманию времени и иному ощущению его индивидом. Существование, таким образом, становится лишь суммой не связанных между собой моментов, разрозненных мгновений. Они то вдруг начинаются, то неожиданно обрываются, не имея выраженной продолжительности и длительности. По Ясперсу, в современной действительности

отсутствуют понятия прошлого и будущего. Все превращается в коловращение бессвязных отрезков времени, что индивид воспринимает как наслаждение, удовлетворение существованием, либо как имманентную помеху. «Подлинное самобытие» человек обретает только с помощью связей, «...не принудительных, охватывающих его в его бессилии как чуждые, а в принятых им, которые становятся для него собственными. Они держат его существование в единстве, чтобы оно не распалось тем или иным образом, а стало бы действительностью его возможной экзистенции» [14, с. 103]. Тогда воспоминания открывают перед индивидом сонм разного рода ощущений, а будущее заставляет человека чувствовать ответственность за свои поступки. Жизнь как будто оплетается нитями «подлинного самобытия», становясь более целостной и неразделяемой. Человек начинает ощущать свой возраст, различать юность, например, от зрелости. «Самобытие есть жизнь, которая хочет стать целостной, причем только посредством значимой для нее связи» [14].

Явленное бытие демонстрирует нам такой феномен современности, как толпа, где личностное начало растворено, разлито. Здесь действуют и выполняют указанные функции разрозненные, лишенные связи между собой индивиды, которые могут быть легко заменимы, что говорит об их невысокой ценности. Имеет место быть тенденция разложения личности на короткие отрезки времени. Чем короче отрезок, тем явственнее становится возможность разрывания связи с целостностью переживания действительности. У человека возрастает сознание хаоса существования, «...мы расшатали основной фундамент нашего бытия» [15], но, тем не менее, количество искусственно выращенных связей не уменьшается. Наоборот, постоянно слышится зов к их увеличению, чтобы успеть выполнить все заданные функции. Мощь явленного бытия оказывается, согласно взглядам немецкого экзистенциалиста, настолько сильной, что механически создаваемые связи между людьми в обществе служат для того, чтобы поддерживать в нем порядок, основа которого кроется в строгом послушании и подчинении. Следование заведенному порядку может привести к тому, что человек теряет свободу. Она парализуется машиной беспрекословной людской массы, ведомой в определенном, им самим неизвестном направлении. Таким образом, человек может оказаться на распутье: либо успокоиться и полностью ввернуть себя

явленному бытию, либо вернуться к первооснове, суть которой – в несотворенной свободе. «Истинным может остаться в мире только тот, кто живет, исходя из позитивного, которое он в каждом данном случае обретает лишь благодаря связи» [14, с. 404]. Возмущение против установления внешних, поверхностных связей не считается философом истинным, так как оно ведет только к дисгармонии, а не к уничтожению оных. Возмущение должно существовать только в виде борьбы за свободу, чтобы дать начало «подлинному самобытию» в установлении коммуникации с экзистенциальными субъектами.

Экзистенциальным субъектом в философии Карла Ясперса является подлинный друг, т.е. тот человек, с которым возможно установить глубинную связь. «Когда люди перемешиваются, как пыль, действительность в ее достоверности встречается лишь там, где друзья являются подлинными друзьями в фактической коммуникации их открытости и солидарности, в личной верности» [14, с. 407], – утверждает мыслитель. От небытия может спасти не являющаяся действительность, а лишь суть самобытия, которое устанавливает тесную связь одного индивида с другим. Единство людей «в плане упорядочивания основ существования» [16], наполненных истинным самобытием, составляет суть экзистенциального бытия. Индивиды, обладающие неосязаемой коммуникацией, не претендуют на завладение явленной действительностью. Их связь не оговаривается в контрактах, не фиксируется в договорах, не имеет разного рода бумажных подтверждений. Но она намного сильнее, чем сообщения внутри обществ, партийных или государственных объединений, рас и национальностей. По Ясперсу, «подобная близость обладающих самобытием людей – лучшее, что может быть нам даровано сегодня» [14, с. 408]. Наличие таких людей говорит о том, что бытие есть. Индивид с истинным самобытием внутри – это тот, кто волнует душу другого человека, сам не оставаясь равнодушным, тот, кто оставляет частичку своей сути в другом, не боясь личного разложения, тот, кто помогает человеку найти путь к самому себе, обрести полноту бытия. Не представляется возможным обрести коммуникацию с объектом, который не имеет самости, кто проходит мимо душ других людей, невзирая на зыбкость собственной экзистенции. Коммуникация с такого рода личностями существует даже в том случае, если их физической оболочки уже нет. Здесь не идет

речь о спиритуализме и проч. Она есть в качестве памяти о тех людях, которые помогли индивиду в становлении самого себя, формировании самосуты. По Ясперсу, экзистенциальные субъекты бытийствуют без притязания на подтверждение значимости, без установления нимба принадлежности к избранным, без попыток обожествления и возведения в ранг особенных. Но именно они устанавливают истинный ход событий.

Тесная связанность самобытных индивидов определяет характер взаимоотношений между ними. По Ясперсу, они не навязывают своего обязательного присутствия и вовлеченности в существование других индивидов. В то же время они всегда стремятся к контактам и постоянно готовы к осуществлению экзистенциальной коммуникации. Внутренне самосущие индивиды всегда ожидают ее, чтобы глубже проникнуть в океан «подлинного самобытия», сильнее ощутить пульсацию трансценденции и обменяться токами экзистенциальной коммуникации с другим индивидом, не навязывая при этом собственного вчувствования в самобытие. Зная, что экзистенциальных субъектов в настоящей действительности пребывает ограниченное количество, они сохраняют непоколебимую верность друг другу. Чувство верности, преданности настолько сильно, что субъекты даже не могут помыслить о разрыве общения, даже если оказываются несогласными, противоречат другому индивиду. Принцип солидарности и пристального внимания распространяется и на отношения с субъектом, который находится в лагере противника, то есть занимает позицию недруга, но при этом являясь глубинно наполненным самостью. В таких случаях одно «подлинное самобытие» противостоит другому, не уступая в силе. Такая ситуация может подарить настоящей исторической эпохе появление принципиально новых теорий, точек зрения, открытий, что является прорывом в суть подлинного существования.

Несмотря на тот факт, что индивидов, наполненных самосущностью, всегда малое количество, при этом они ощущают крайнюю степень одиночества, неуверенности в своих силах, им, согласно Карлу Ясперсу, стоит уклоняться от вступления в псевдоэкзистенциальную коммуникацию, так как это может разрушить их самобытие. Им не надлежит проявлять заинтересованности, симпатии или антипатии к вялым объектам. Чувство жалости к ним также не должно

проявляться. Экзистенциальный субъект может быть притягателен для среднестатистического, посредственного индивида, человека массы. Здесь особую роль играет не стремление окунуться в глубину экзистенции, а ощущение элитарности, принадлежности к избранным. Экзистенциальный субъект должен даже испытывать страх от вступления в псевдообщение, так как это может грозить не только объективацией коммуникации, но и всей линии поведения в действующем миропорядке. Экзистенциальный субъект, обретая глубинный контакт с себе подобным, претендует на расширение сферы «подлинного самобытия», достижение «глубины первоистока» [16, с. 35], ощущая надежность и уверенность. Вступая в нежелательные отношения с механическим объектом, субъект должен осознавать всю ответственность не только за себя, но и за мир подлинного бытия.

Человеческие души, обладающие самобытием и внутренней экзистенцией, подобно звездам на небесном своде, рассеяны в действующем мире. Тот, кто хочет к ним примкнуть, вступить в их сферу глубинного существования, должен прийти к этому не на основе разумного расчета, суждения, а лишь с помощью осуществления своего собственного бытия, расширения поля самобытности. Путь этот далеко не прост. Человек не должен питать надежду на помощь извне, в частности на осуществление коммуникации с экзистенциальным объектом. При вступлении в сферу истинного бытия индивид вправе рассчитывать только на свои собственные силы, о возможностях которых, вероятно, пока не подозревает. Мыслитель утверждает: «Единство этого рассеяния подобно невидимой церкви некоего *corpus mysticum* в анонимной цепи друзей, тот или другой член которой благодаря объективности своей деятельности обнаруживается другим, быть может, далеким самобытием» [14, с. 409]. Это далекое самобытие, предчувствуя встречу и общение с другим самобытием, воспламеняется возможностью экзистенциальной коммуникации. Находясь в состоянии горения от остро переживаемого контакта, оба самобытных индивида даруют действительному миропорядку надежду на взлет, прорыв к миру нуменальному, что, в свою очередь, является сигналом угасания предметного, объективированного существования.

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). В кн.: Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – С. 191.

2. В.В. Зеньковский. История русской философии. Том II. Часть 2. – Ленинград: «ЭГО», 1991. – С. 67.

3. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М.: Мысль, 1990. – С. 36.

4. Шапошников Л.Е., Федоров А.А. История русской религиозной философии. – М.: Высш. шк., 2006. – С. 380.

**THE COMMUNICATION OF EXISTENTIAL SUBJECTS IN THE PHILOSOPHY
OF N. BERDYAEV AND K. JASPERS**

O.N. Soldatova

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of communication in Russian and German existential philosophy (the author resorts to the philosophical reflections of N. Berdyaev and K. Jaspers). The Russian philosopher identifies the conceptions of «I» and «You» as existential subjects taking parts in the true process of communication. The multitude of «I» and variety of «You» form that what Berdyaev calls «We». The meaning of «We» is realized completely in the idea of religion. «Not-I», «It» or object seems not to be able to start the real communication. «I» for Jaspers denotes the personality filled with pure originality. Only such «I» may get into contact with each other. The German philosopher pays attention to the contemporary phenomenon of mass, where human personality is graded, pseudo-communication becomes more noticeable. Such situation may lead to the human decomposition thus there is the possibility of communication destruction

5. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи). В кн.: Бердяев Николай Александрович. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 335.

6. Бердяев Н.А. Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения). В кн.: Бердяев Николай Александрович. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 276.

7. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 311.

8. Н. Бердяев о русской философии / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. – Ч. I. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 24.

9. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Состав., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. – М.: ИМА-пресс, 1990. – С. 66.

10. Савруцкая Е.П. Образ жизни и исторические формы общения. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – С. 62.

11. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 40.

12. Ясперс К. Ницше и христианство. Перевод с немецкого Т.Ю. Бородай. Московский философский фонд. – М.: «Медиум», 1994. – С. 69.

13. Габитова Р.М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. – М.: Издательство «Наука», 1972. – С. 147.

14. Ясперс К. Духовная ситуация времени. В кн.: Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – С. 401.

15. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Стриндберга и Гельдерлина / Перевод с немецкого Г.Б. Ноткина. – Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. – С. 236.

16. Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем. Под ред. А.А. Михайлова. – Мн.: Прополис, 2000. – С. 109.